

**Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**

**Конференция «Защита прав юридических лиц
и индивидуальных предпринимателей
как мера обеспечения экономической безопасности государства»**

22 марта 2023 года

**Изменение режима
гражданско-правовой ответственности
по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи 1980 г.
в условиях внешних ограничительных мер**

Монастырский Юрий Эдуардович

**Доктор юридических наук
Партнер Коллегии адвокатов
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»**

Возмещение убытков как понятие, средство защиты, содержание требования, концепция, идея, юридический инструмент берет свое начало в римском праве и далее развивается сугубо по отечественным лекалам, все более обрстая национальными особенностями. Развитие названного гражданско-правового института в России происходит ступенчато и динамично, что выражается в появлении новых правовых положений и извлечении из них судебной практикой и юридической наукой новых решений, а также в изменяющемся смысловом содержании относимых понятий.

Сомневающимся можно сказать, что сама правовая категория «убытки» сначала означала упущенную выгоду, а в императорской России согласно Своду законов ответственность налагалась за «вред и убытки». Она предусматривалась только за «недозволенные действия», а не ввиду материализовавшихся рисков. И только толкованием выводилось договорное распределение имущественного бремени в виде убытков. Законами в XX веке устанавливались особые, не являющиеся убытками выплаты за увечья на предприятиях. В советский период санкции предусматривались за «утрату и повреждение имущества» и за упущенную выгоду. В современном ГК – за «нарушение права», в том числе правомерными действиями, в случаях прямо указанных в законе.

Теория и суды запаздывают в осмыслении сути возмещения убытков, таящейся в новых законодательных формулах 1994–2015 гг. Вместе с тем имеется осознанное юридическое целеполагание к унификации, сближению, приведению к единому знаменателю национальных правопорядков, их правовых средств для создания в сфере международных экономических связей единого правового поля взаимоотношений, стандарты которого постепенно бы воспринимались внутренним регулированием. Заметнее всего упомянутая правовая тенденция демонстрируется в сравнении подходов к средствам судебной защиты в ГК РФ и Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

Роль Конвенции

Конвенция ООН 1980 г., заключенная в Вене, – выдающийся документ, принятый большинством стран как система норм и как общая правовая база торговли товарами, создаваемая и оттачиваемая правоприменителями различных государств совместно с анализом опыта друг друга, если правильно понимать взаимное обязательство государств-членов единообразно применять Конвенцию независимо от того, как бы не развивались и в какую бы сторону не совершенствовались национальные нормы. В 1980 г. в СССР действовали Основы гражданского законодательства (1961 г.) и ГК РСФСР (1964 г.). После принятия Конвенции Основы гражданского законодательства СССР (1991 г.) уже внедрились некоторые институты Конвенции, а именно скорректированную доктрину существенного нарушения договора, «разумности» и т. п. В действующий Кодекс перешло понятие абстрактных и конкретных убытков и соотношение средств правовой защиты при неисполнении обязательств продавцом либо покупателем, возможность их выбора, в том числе в соответствии с внесудебной процедурой.

Конвенция, составляющая *lex specialis* в российском гражданском праве, применяется национальными судами как часть своего законодательства. Однако остаются факторы, привносящие дуалистические подходы к решению базовых вопросов регулирования. Это выразилось сегодня в существовании двух концепций гражданско-правовой ответственности, включая вопросы освобождения от нее в РФ согласно ГК РФ и положениям Конвенции.

Для сравнительного анализа важно что, во-первых, споры на основании Конвенции разрешаются в основном в международном коммерческом арбитраже, где невозможно сложить и развивать единообразие и создать унифицированное применение Конвенции в силу правовой природы третейского разбирательства и его автономии, невозможности руководствоваться целью общего толкования норм, поэтому 43 года применения и действия Конвенции не привели нас к обобщению судебной практики высшими судебными инстанциями. Во-вторых, на уровне теоретического осмысления положений Конвенции возросла и вышла обширная литература, исходящая из европейских юрисдикций, использующая внушительный правоприменительный материал разных проарбитражных стран, в первую очередь, англоязычных и ведущих европейских континентальных государств. Отсюда в арбитражное сообщество в РФ перекочевали также другие мысли и логика, популяризация эластичных подходов непонятных и эфемерных для российских судов. В-третьих, сохранилось различие в терминологии ГК РСФСР, нашего ГК, действующего Кодекса и Конвенции. Речь идет о таких понятиях, как «поставка» – «купля-продажа», «ущерб» – «убытки», «расторжение» – «отказ от договора», «коммерческое предприятие» – «место нахождения», «обстоятельства вне контроля» – «невозможность исполнения» и т. п. И наконец, в-четвертых, текст Конвенции выпущен на 6 языках ООН, имеющих равную силу.

Соответственно, как сказано в нем, подлинный смысл формулировок должен проистекать из анализа этих национальных переводов. Нестыковок в переводах очень много и особенно в статьях, посвященных ответственности. Например, ст. 74 Конвенции на русском языке «Убытки» определяются через «ущерб» гораздо более узкое понятие, чем «убытки», в то время как во всех других текстах «убытки» раскрываются через термин «потери». В смысловом выражении, обнимающее значение «не полученное». Таким образом,

обозначается существенное расхождение в русском тексте и английском, испанском, французском. В нашем варианте перевода «убытки» определяются через более конкретную категорию – «ущерб», что есть убыль в наличном имуществе, а также обозначается упущенная выгода, соединенная значением слова «плюс» – «включающее». И в этом усматривается попытка адаптации к нестрогой и разбросанной терминологии Common Law, где в смысле убытков применяются такие понятия, как: «a loss», «the loss», «losses», «the losses», «liabilities», «damages». Поскольку в условиях их действия в СССР Основ гражданского законодательства и Кодекса (1964 г.) были известны только два понятия, а именно: «положительный ущерб» и «упущенная выгода». Считалось, что положительный ущерб – более узкая правовая категория, чем ущерб, но такой возможный расчет в головах правоведов не оправдался. Теперь в новом Кодексе понятие «ущерб» приравнивается к «положительному ущербу», «реальному ущербу». В частности, об этом свидетельствует принятие в 2013 году ст. 16.1 ГК о последствиях вредоносных правомерных действий госорганов и выхода в 1996 году множества статей, определяющих ответственность в виде ущерба, например, за утрату груза.

Таким образом, из русского текста Конвенции вытекает множество других отклонений. О том, скажем, что не возмещается непредвидимый ущерб, но это не относится к упущенной выгоде, и т. п. Другой пример, ст. 72 Конвенции гласит: «в предвидении существенного нарушения сторона может заявить о расторжении договора». Русский перевод недвусмысленно означает процедуру искового требования, но по-английски to declare contract voided, а также на других европейских языках и по контексту норм Конвенции это означает выход из договора уведомлением.

Различия в концепциях пределов ответственности изложены в статьях 77, 79 Конвенции. Они следующие: согласно ее тексту, освобождение возможно гораздо по более широкому кругу случаев. В названиях статей предусматривается освобождение только от убытков по умолчанию, а не от назначенных штрафов. Согласно Конвенции, не взыскиваются непредвидимые убытки, которые были таковыми на момент заключения договора, в то время как по ГК непредвидимость или случайность, исключаящие вину в субъективном значении этого института, проявляется во время исполнения обязательств. Базовая формула освобождения от ответственности заключается в наличии «препятствий вне контроля». Согласно испанской, французской версий «помимо воли», что толкуется еще шире. Последствия не наступают ввиду третьих лиц, которые извинительно не исполнили свою часть обязательств.

Концепция гражданско-правовой ответственности согласно ГК РФ более строгая, наступающая независимо от вины среди предпринимателей, чем максима, которая нашла свое выражение в Конвенции, применяемой при участии лица с местом нахождения в иностранном государстве, участником Конвенции, и в силу коллизионной нормы ГК РФ. В Конвенции предусмотрена более мягкая ответственность и большинство случаев избежания ее. Она не наступает при любом обстоятельстве, препятствующем исполнению, находящемся вне контроля должника или третьего лица. Однако при применении Конвенции необходимо, в силу ее автономного статуса, обращать внимание на практику третейских и государственных иностранных судов при том, что сторона должна будет руководствоваться только российской терминологией и толкованием правовых положений, выраженных на 6 языках ООН.

Заключение

Несмотря на конфронтацию в сегодняшнем мире, роль международной торговли остается чрезвычайно весомой. Более того, при анализе политических событий оказывается, что их логика продиктована борьбой за использование проливов, товарных потоков, логистических маршрутов, создание зон беспошлинного ввоза товаров и т. п. Таким образом, фактор торговли, как и раньше, связывается с развитием и процветанием, в 1000 раз нарастившей свой объем и разнообразие. Если речь не идет о международных сделках с ценными бумагами, судами, электроэнергией, недвижимостью, правовой базой взаимоотношений российских субъектов внешнеэкономической деятельности является «Венская конвенция о продаже движимых материальных вещей» – таков один из излюбленных вариантов переводов названного международного документа в доктрине. Сегодня режим международной торговли характеризуется запретами не только на ведение переговоров, совершение сделок с российскими лицами, но и исполнение давно подписанных контрактов. Если невозможность получения товаров происходит из юрисдикции иностранного продавца, Венская конвенция позволяет сказать о препятствии вне контроля контрагента, но эта норма ст. 79, тем более при анализе на языках ООН указывает о необходимости доказать перед судами, что препятствия не только вне ее контроля, но и что его нельзя было разумно ожидать, принимая для этого в расчет все необходимые меры. Гибкость норм Конвенции и не только относящихся к ответственности и условиям освобождения от нее предопределилась динамичностью торговых операций и товарно-денежных отношений, а это, в свою очередь, расширяет пределы судебной дискреции, правоприменительных оценок органами, разрешающими споры.

Само собой разумеется, что возрастает значение подготовки к делу, разработке позиции, убедительности аргументов. Однако нероссийские судебные органы могут сегодня производить больше неожиданностей и менее надежны в прогнозах. Для таких случаев важно знать, что механизм действия Конвенции в целом зависит от воли сторон, это позволяет ст. 6 Конвенции «стороны могут исключить применение настоящей Конвенции ... отступить от любого ее положения либо изменить ее действия».

Регулирующее российское право сужает поле для избежания исполнения при коммерческих взаимоотношениях до классических форс-мажорных обстоятельств, которые должны быть и чрезвычайны, и непредотвратимы. Далее, согласно российскому праву, штрафы более привязаны к размеру как доказываемых, так и умозрительных убытков. Другая особенность – разрешено возмещение непредвиденных убытков, полное восстановление права, взыскание будущих расходов с этой целью, чего нет в Венской конвенции. Российское право по данным вопросам лучше защищает кредиторов. Невозможность исполнения (ст. 416 ГК РФ) в соответствии приводит к прекращению обязательства, но не устраняет ответственность. Обстоятельство вне контроля, конечно, не любое событие, ведущее к объективной невозможности исполнения, наоборот, устраняет именно ответственность, и независимо от срока действия побуждает передоговариваться или приступить к взаиморасчетам.